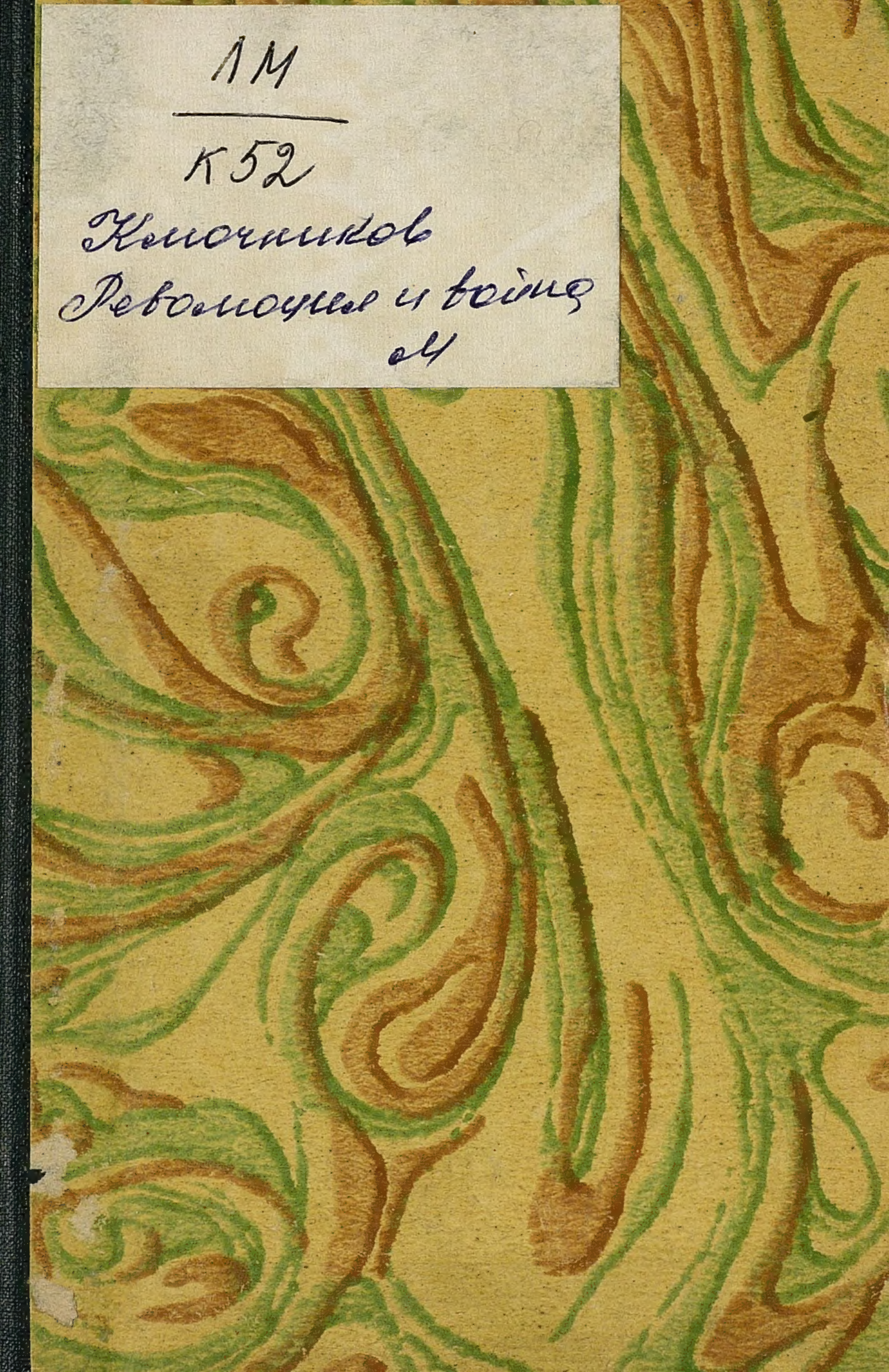

1М
К52
Ключников
Революция и война
М

НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА
Серія политическая.

Прив.-доц. Ю. КЛЮЧНИКОВЪ

РЕВОЛЮЦІЯ и ВОЙНА

№ 53 ц. 25 к.

Акціонерное общество
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА»
МОСКВА.

НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА

Серія политическая.

Прив.-доц. Ю. КЛЮЧНИКОВЪ

РЕВОЛЮЦІЯ и ВОЙНА

Акціонерное Общество
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИЛІОТЕКА»
МОСКВА.

Москва—1917.

Тип. Акц. О-ва «УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА».

I.

Революцiя поставила передъ русскими людьми цѣлый ядъ вопросовъ первостепенной государственной важноти. Къ числу ихъ принадлежатъ и вопросы, связанные съ войной.

Какъ намъ слѣдуетъ относиться къ войнѣ? Будемъ и мы и послѣ революцiи стремиться къ полной побѣѣ надъ врагомъ, не жалѣя жизней, силъ и денежыхъ затратъ ради этой побѣды, или же мы въ правѣ однять разговоры о немедленномъ заключенiи мира?—акъ намъ относиться къ нашимъ союзникамъ? Порежнему ли они дороги намъ, и мы должны считать езчестнымъ нарушенiе обязательствъ, принятыхъ наи по отношенiю къ нимъ, или же это не наши союзнии, а союзники стараго строя, и намъ, гражданамъ овой Россiи, нѣтъ до нихъ никакого дѣла?—Чего отимъ мы отъ войны? Того ли, чего хотѣло низвергутое правительство, или же наши желанiя иныя?—ъ какими народами больше всего дружить послѣ войы и отъ какихъ держаться подальше?

На всѣ эти вопросы необходимо отвѣтить теперь же, е теряя времени понапрасну. Если всѣмъ въ Россiи сно, что войну нужно кончать во что бы ни стало, о кончать ее нужно, по возможности, немедленно. Кажый день войны стоитъ многiе миллiоны рублей (свые 50), сидѣнiе солдатъ въ окопахъ и казармахъ преятстьуетъ имъ подготовиться къ Учредительному Со-

бранію и оттягиваетъ срокъ открытія этого Собранія. А вѣдь Учредительное Собраніе—наша главная забота теперь. Пока оно не состоялось, не наступитъ полнаго спокойствія въ странѣ, и, слѣдовательно, чѣмъ скорѣе оно состоится, тѣмъ лучше. Съ другой стороны, если всѣмъ намъ одинаково ясно, что войну необходимо продолжать до побѣднаго конца, то всѣ мы съ одинаковымъ негодованіемъ должны отвернуться отъ тѣхъ, кто выкрикиваетъ «Долой войну!» и настойчиво старается поселить среди насъ рознь. Споры и раздоры рѣдко приносятъ хорошіе плоды, а въ такое время, какъ теперешнее, они особенно опасны.

По счастью, въ настоящую минуту требованіе о немедленномъ прекращеніи войны не пользуется успѣхомъ въ широкихъ слояхъ русскаго населенія, а также не наблюдается и особеннаго расхожденія во взглядахъ на задачи и цѣли войны. Однако, кто можетъ поручиться, что точь-въ-точь такъ же останется и впредь? Въ дни революціи всякія «крайнія» требованія въ угоду ей всегда могутъ привлекать къ себѣ вниманіе. Въ дни смуты всегда найдутся люди, которымъ смута выгодна. Согласно вполнѣ достовѣрнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, германскіе шпіоны прилагаютъ всѣ усилія, чтобы использовать революцію къ выгодѣ Германіи; не дремлютъ и у насъ тѣ изъ приспѣшниковъ стараго строя, которые все еще надѣятся, что не все для нихъ потеряно, что самодержавіе и произволъ могутъ вернуться въ Россію опять. А если все это такъ, то тѣмъ необходимѣе заранѣе предупредить опасность: одно дѣло чувствовать, что войну надо довести до побѣднаго конца, а другое дѣло знать это. Мы должны твердо, ясно и опредѣленно знать, что побѣда намъ необходима, потому что только въ такомъ

лучаѣ мы будемъ застрахованы отъ дѣйствія тем-
ныхъ силъ и разныхъ неожиданностей.

Иначе говоря, мы должны твердо знать, что револю-
ція—революціей, а война—войной.

II.

Чѣмъ была Россія до войны?

Она была страной, въ которой правительство вся-
ески давило на народъ, стараясь удержать его въ
воемъ подчиненіи, а народъ всѣми силами души нена-
идѣлъ правительство и жаждалъ рѣшительныхъ го-
ударственныхъ преобразованій. Все, что было дорого
усскому правительству, какъ-то само собой станови-
ось ненавистно русскому народу. И наоборотъ: не бы-
о такого народнаго движенія въ Россіи, которое тот-
асъ же не бралось бы подъ подозрѣніе и не преслѣ-
овалось бы русскимъ правительствомъ. Такъ тяну-
ось долгіе годы, и въ концѣ концовъ стало очевид-
ымъ, что либо народу придется отказаться отъ своихъ
авѣтныхъ надеждъ, либо правительству придется сдѣ-
ать необходимыя уступки народу. Особенно ясно ста-
о это къ началу Великой войны, длящейся и теперь,
 во время самой этой войны.

Въ чемъ же, однако, заключался споръ между рус-
кимъ народомъ и русскимъ правительствомъ? Чего
отѣло русское правительство и чего хотѣлъ русскій
ародъ? Почему къ концу минувшаго февраля и на-
алу марта въ этомъ спорѣ побѣдилъ народъ, а не
равительство? Отвѣтить на всѣ послѣдніе вопросы—
начитъ цѣликомъ подготовить отвѣты и на тотъ, ко-
орый насъ здѣсь интересуетъ по преимуществу: объ
тношеніи между Великой войной, съ одной сторо-

ны, и Великой русской революціей — съ другой. Вѣд несомнѣнно, что революція 1917 года — родное дит войны 1914 года. Но несомнѣнно также и то, чт сама эта война не случайна, а съ необходимостью под готовлена всѣми предшествовавшими отношеніями ме жду нашимъ народомъ и нашимъ правительствомъ.

Итакъ, еще разъ: чего хотѣлъ русскій народъ пе редъ войной и во время войны? Къ чему стремилос въ это время враждебное народу правительство?

На первый вопросъ отвѣтить не трудно: русскій на родъ хотѣлъ свободы и порядка. Самодержавіе отжил свое время. Задачи современнаго государства настоль ко сложны и сознаніе современнаго человѣка настоль ко развито, что совершенно немыслимо основыват государственную жизнь на безотвѣтственномъ главен ствѣ маленькой кучки счастливцевъ и полномъ по рабощеніи милліоновъ несчастныхъ. Необходимо, что бы глава государства являлся лишь высшимъ пред ставителемъ своего народа, осуществляя свое назна ченіе отъ имени народа, — съ помощью министровъ, от вѣтственныхъ передъ народомъ, съ помощью законо дательныхъ учрежденій, составленныхъ изъ представи телей народа. Необходимо также, чтобы весь народъ имѣлъ такія права, благодаря которымъ ему обезпе чивалась бы возможность участвовать въ дѣлахъ го сударства, и давалось бы право дѣлать все то, что н вредитъ другимъ. Словомъ, современное государств не можетъ существовать безъ политической и гра жданской свободы его гражданъ; именно такой-то сво боды и не хотѣли дать Россіи русскіе самодержцы.

Чего же хотѣли они въ такомъ случаѣ и почему с такой настойчивостью, а часто и безпримѣрной жесто костью давили на русскій народъ?

На этотъ второй вопросъ отвѣтить уже труднѣе. Богъ ихъ знаетъ, чего они хотѣли и почему давили. Но во всякомъ случаѣ было бы ошибкой думать, будто они только и заботились о томъ, чтобы принести своей странѣ какъ можно больше зла и будто нарочно толкали ее къ гибели. Они не могли поступать такъ хотя бы уже въ силу весьма простого соображенія, что гибель Россіи знаменовала бы собой одновременно и ихъ собственную гибель. Съ другой стороны, ихъ должно было бы останавливать опасеніе народнаго возмущенія и революціи. Вѣдь русская революція не первая въ исторіи; то, что происходитъ у насъ теперь, неоднократно происходило въ разное время въ другихъ странахъ, и наши цари не могли не считаться съ грозными предостереженіями исторіи. Вспомнимъ Англію середины XVII вѣка, совершившую казнь надъ королемъ своимъ, Карломъ I, какъ надъ измѣнникомъ и врагомъ народа. Вспомнимъ революціонную Францію конца XVIII вѣка и казнь Людовика XVI въ январѣ 1793 года. Вспомнимъ бѣгство на извозчикѣ французскаго же короля Людовика-Филиппа въ 1848 году. Но зачѣмъ заходить такъ далеко? Совсѣмъ недавно пережили революціи Турція, Персія, Португалія, Китай. Многочисленные примѣры исторіи показываютъ, что далеко не всѣ изъ тѣхъ царей и королей, которыхъ убивали, казнили и свергали съ престола, бывали непремѣнно извергами рода человѣческаго. Но въ томъ-то и дѣло, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ достаточно быть просто царемъ или королемъ, чтобы оказаться для народа хуже всякаго изверга.

Зло самодержавія не исчерпывается тѣмъ, что оно легко превращаетъ владыкъ въ преступниковъ; при современныхъ условіяхъ, въ свѣтѣ современнаго пра-

восознанія, главное зло лежитъ въ немъ самомъ,—оно само по себѣ недопустимо, потому что не можетъ существовать безъ приниженія самосознанія народа, безъ угодничества, продажности и развращенности тѣхъ, что окружаютъ троны самодержцевъ, безъ полной непригодности самихъ этихъ «самодержцевъ» справиться съ государственными задачами. Самодержавіе есть противное духу современнаго права удержаніе верховной власти однимъ человѣкомъ, такъ что уже въ силу одного этого оно должно подвергаться низверженію, чтобы никогда не быть возстановленнымъ вновь. И оно низвергнуто почти повсюду въ Европѣ.

Правда, многія изъ западныхъ европейскихъ странъ и до сихъ поръ являются монархіями, т.-е. управляются королями, но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ короли эти не самодержавны. Наслѣдственный король стоитъ во главѣ Бельгіи; однако въ 25 статьѣ бельгійскихъ государственныхъ законовъ прямо говорится: «Всѣ власти исходятъ отъ народа». Король управляетъ и Греціей, но также и согласно греческой конституціи «всякая власть исходитъ отъ народа и осуществляется въ порядкѣ, установленномъ конституціей» (ст. 21-я). То же самое находимъ мы и въ законахъ Румыніи. Въ другихъ европейскихъ королевствахъ конституціи не выводятъ верховную власть непосредственно изъ воли народа, но зато онѣ предоставляютъ народу столько дѣйствительной власти—путемъ укрѣпленія за нимъ самаго широкаго участія въ законодательствѣ и установленіемъ отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ—что ни о какомъ самодержавіи по существу не можетъ быть и рѣчи.

И только въ Германской имперіи и отдѣльныхъ входящихъ въ нее королевствахъ и гер

царствахъ и до сего дня силенъ еще духъ самодержавія. Слѣдуетъ отмѣтить, что всего-навсего еще полстолѣтія назадъ Германія была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ она является въ наши дни. Тогда это былъ союзъ изъ тридцати девяти мелкихъ нѣмецкихъ государствъ подъ общимъ главенствомъ Австріи. Но Австрія и тогда уже была внутренно слабымъ государствомъ, такъ что настоящаго главенства она осуществлять не могла и принуждена была уступать руководство дѣлами союза—Пруссіи. Пруссія же всегда была воинственна, всегда настойчиво стремилась къ усиленію своего могущества и къ расширенію своихъ границъ за счетъ своихъ сосѣдей. Въ 1866 году она рѣшила, что Австрія ей мѣшаетъ и что ей нужно сосчитаться съ ней. Между недавними союзниками вспыхиваетъ война, въ которой очень быстро Австрія оказывается на-голову разбитой, а затѣмъ ее, униженную, насильно удаляютъ изъ Германскаго союза. Проходитъ четыре года, и Пруссія затѣваетъ новую войну—съ Франціей; и на этотъ разъ боевое счастье всецѣло на сторонѣ пруссаковъ: Франція разбита, побѣдителями захвачены самыя промышленныя изъ ея областей, на французскій народъ возложена обязанность уплатить прусскому правительству громадныя военныя издержки. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, благодаря умѣлымъ дѣйствіямъ прусскихъ политиковъ, создается крѣпкая Германская Имперія, и во главѣ ея становится, въ качествѣ императора, прусскій король Вильгельмъ I.

Къ чему же все это повело?

Это повело къ тому, что начиная съ 1871 года Германія принимается играть рѣшающую роль въ дѣлахъ Европы, быстро усиливается, какъ военная держава, быстро богатѣетъ, захватываетъ все новые и новые

иностранные рынки, создаетъ промышленность, оставляющую далеко позади за собой промышленность большинства другихъ странъ, пріобрѣтаетъ себѣ все новыя и новыя земли за морями, обзаводится громаднымъ количествомъ торговыхъ и, особенно, военныхъ кораблей. И все это — съ помощью германскихъ императоровъ (прусскихъ королей), которые точно такъ же, какъ и русскіе императоры, смотрѣли и смотрятъ на себя, какъ на помазанниковъ Божіихъ, и крѣпко держатся за свое самодержавіе. Неудивительно послѣ этого, что именно къ Германіи русскіе цари почувствовали особенное влеченіе (больше всѣхъ Александръ II и Николай II) и въ ея именно опытѣ стали искать для себя поученія и примѣра. Если Германія, думали они, благодаря въ ней крѣпости самодержавныхъ началъ, сумѣла достигнуть такой высокой степени процвѣтанія, то почему бы не достигнуть того же и Россіи? Новѣйшая исторія Германіи оправдала, по ихъ мнѣнію, самодержавіе: значитъ, долой всякія колебанія и уступки народу!

Разумѣется, подобное заключеніе не было правильнымъ: вовсе не въ самодержавныхъ замашкахъ прусскаго короля и германскаго императора заключался главный источникъ силы и славы современной Германіи, а въ волѣ и сознаніи самого нѣмецкаго народа. Нѣмецкій народъ не только покорно шелъ за своими правителями, но и самъ указывалъ имъ пути. Правители и народъ въ Германіи дѣйствовали и до сихъ поръ дѣйствуютъ въ достаточно полномъ согласіи другъ съ другомъ и въ трудную минуту умѣютъ поддержать другъ друга. Да и самодержавіе прусско-германское совсѣмъ не таково, какимъ являлось русское самодержавіе. У нѣмецкаго народа несравненно больше политическихъ правъ, чѣмъ было у насъ до сихъ

поръ; такого грубаго давленія и угнетенія со стороны правителей, какое испытывали мы, онъ уже давнымъ-давно не испытывалъ. Впрочемъ, оспаривать низвергнутыхъ правителей нашихъ или ихъ приверженцевъ намъ не для чего. Достаточно отмѣтить, что они такъ думали и въ этихъ своихъ думахъ, безъ сомнѣнія, находили оправданіе для притѣсненія русскаго народа, порою для открытаго издѣвательства надъ нимъ. Тѣмъ хуже для нихъ, и тѣмъ болѣе опаснымъ врагомъ, значитъ, оказывается для насъ Германія.

III.

Въ борьбѣ между русскимъ правительствомъ и русскимъ народомъ проявлялось такимъ образомъ столкновеніе двухъ совершенно разныхъ началъ, стремленій, требованій: начала демократическаго, или народной свободы, съ началомъ деспотическимъ, или народнаго угнетенія. Эта борьба, какъ уже было сказано, долгіе годы тянулась внутри Россіи. Но и не только внутри. Россія окружена другими государствами, изъ которыхъ каждое можетъ являться либо другомъ ея, либо врагомъ. Лучше всего было бы, разумѣется, сдѣлать такъ, чтобы со всѣми жить въ одинаково тѣсной дружбѣ; но, къ сожалѣнію, о тѣсной дружбѣ между народами приходится еще только мечтать, и надѣяться на скорое осуществленіе ея не приходится. Между государствами до сихъ поръ остается чрезвычайно много поводовъ для взаимныхъ недоразумѣній и столкновеній, почему войны и повторяются такъ часто. Волей-неволей, слѣдовательно, каждое государство стремится войти въ союзъ или въ соглашеніе съ тѣми изъ своихъ сосѣдей, съ которыми имѣетъ наи-

большее количество общихъ интересовъ и къ которымъ питаетъ наибольшее дружелюбіе, и уже съ ихъ помощью даетъ отпоръ остальнымъ, если они дѣлают что-либо невыгодное, опасное для нихъ.

Искать союзниковъ и друзей среди сосѣдей приходится и Россіи. Найти ихъ ей всегда было тѣмъ легче, что она обширна, сильна и обладаетъ неисчерпаемыми природными богатствами. Для Австріи, Англіи, Германіи, Италіи, Соединенныхъ Штатовъ Америки, Франціи и Японіи—для всѣхъ гораздо выгоднѣе жить въ мирѣ и согласіи съ величайшей изъ имперій, чѣмъ каждую минуту опасаться разрыва и войны съ нею. Все это, конечно, русское правительство сознавало. Но оно сознавало и то, что сосѣдъ сосѣду рознь: Австрія и Германія—одно, Англія и Франція—другое. Первыя двѣ страны управляются государями, отстаивающими самодержавныя начала и все время борющимися съ народомъ за свою власть; вторыя двѣ представляют собой самыя передовыя демократіи міра, въ которыхъ народъ самъ управляетъ собой и совершенно не чувствуетъ на себѣ гнета своихъ правителей. Съ кѣмъ же изъ нихъ итти Россіи? Съ кѣмъ завязать дружбу, съ кѣмъ вступить въ союзъ? Для русскаго правительства на этотъ вопросъ не могло быть двухъ отвѣтовъ: конечно, съ первыми противъ вторыхъ, съ автократіями противъ демократій, съ Австріей и Германіей противъ Англіи и Франціи. Отсюда рядъ попытокъ русскихъ дипломатовъ заключить тѣсный союзъ съ австрійскимъ и германскимъ императорами, отсюда же долговременная безуспѣшность наладить наши отношенія съ Франціей и непрестанная скрытая борьба съ Англіей. Со своей стороны и Англія съ Франціей —зная, какіе порядки царятъ въ нашей странѣ,—дол-

го не могли питать къ намъ особенной симпатіи: ихъ поражало наше безправіе, онѣ не могли не возмущаться сплошнымъ произволомъ нашего правительства, онѣ не могли не презирать насъ за то, что мы покорно терпимъ всякій произволъ.

Однако, по счастью, не все зависѣло отъ русскаго правительства, и не съ нимъ однимъ приходилось имѣть дѣло французамъ и англичанамъ. Начать съ того, что при всемъ желаніи русскаго правительства наладить самыя дружелюбныя отношенія съ Австріей, дружбы между Россіей и Австріей никогда не получалось. Всегда оказывалось такъ, что либо Австрія что-либо замышляла противъ Россіи, либо Россіи приходилось дѣйствовать наперекоръ Австріи. Въ чемъ здѣсь была причина, въ двухъ словахъ не объяснишь,—каждый разъ находилась какая-нибудь своя причина; но, въ общемъ, можно сказать, что между обѣими имперіями всегда существовало больше поводовъ къ взаимному противодѣйствію, чѣмъ ко взаимному согласію. Въ послѣднія десятилѣтія, напримѣръ, ихъ разъединяло, по преимуществу, столкновеніе ихъ интересовъ въ балканскихъ земляхъ: и Россія и Австрія съ одинаковой настойчивостью стремились играть на Балканахъ рѣшающую роль; всякій успѣхъ тамъ одной изъ нихъ испытывался какъ тяжелое пораженіе другой.

Такимъ образомъ получалось, что изъ двухъ родственныхъ по своей политикѣ и по отношенію къ народу странъ — Австріи и Германіи — первая не могла быть использована старымъ русскимъ правительствомъ въ качествѣ друга, союзника и опоры на случай революціи. Оставалась одна Германія. Съ нею (съ Пруссіей, съ Гессеномъ и другими входящими въ ея составъ государствами) домъ Романовыхъ издавна связы-

вали родственныя отношенія; Николай II и Вильгельмъ II всегда питали другъ къ другу самую настоящую личную привязанность. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, съ точки зрѣнія истинной взаимной близости двухъ народовъ, далеко не все обстояло благополучно. Пусть первый германскій императоръ, Вильгелмъ I, умирая, завѣщалъ Германіи никогда не вступать въ борьбу съ Россіей: онъ завѣщалъ это не потому, чтобы это само собой разумѣлось, а потому, что къ этому нужно было, по его мнѣнію, стремиться, несмотря на всѣ трудности и препятствія.

И дѣйствительно, дружба съ Германіей, съ Пруссіей, не дешево давалась Россіи. Подъ вліяніемъ этой дружбы въ 1863 году окончательно опредѣлилось жестокое отношеніе нашего правительства къ полякамъ, что повлекло за собой ненависть поляковъ къ Россіи, а въ связи съ этимъ цѣлый рядъ затрудненій для нея. Въ 1866 году благодаря этой дружбѣ мы допустили разгромъ Пруссіей Австріи, вслѣдъ за которымъ черезъ четыре года послѣдовалъ разгромъ Франціи. Въ 1878 году, послѣ русско-турецкой войны, Германія рѣшительно ничего не сдѣлала, чтобы поддержать наши интересы на Ближнемъ Востокѣ (на Балканахъ), а, наоборотъ, воспользовалась случаемъ примириться за нашъ счетъ съ недавно разгромленной ею Австріей. Австрія получила рядъ весьма цѣнныхъ правъ по отношенію къ балканскимъ землямъ, а намъ въ силу этого съ Ближняго Востока пришлось убраться на Дальній, къ Портъ-Артуру и Владивостоку. Когда въ 1904 году разразилась на Дальнемъ Востокѣ столь злосчастная для насъ русско-японская война, германцы поспѣшили какъ можно лучше использовать наши затрудненія и заставили насъ заключить съ ними крайне невыгодный для

нась торговый договоръ. Немудрено, что чѣмъ дальше, тѣмъ все труднѣе и труднѣе становилось сдѣлать переходъ отъ дружбы русскаго правительства съ Германіей къ союзу между Россіей и Германіей. Подобный союзъ означалъ бы полное порабощеніе Россіи, и русскій народъ, при всемъ своемъ безразличіи къ международнымъ дѣламъ, никогда бы на него не согласился.

Въ концѣ концовъ старое русское правительство примирилось съ судьбой и, повидимому, перестало стремиться къ открытому формальному союзу съ Германіей. Возможно, что въ данномъ случаѣ проявилась нѣкоторая политическая дальновидность. А, можетъ статься, что здѣсь просто дѣйствовалъ исконный страхъ нашихъ правителей передъ революціей, и они, ни въ чемъ не уступая требованіямъ народа въ вопросахъ внутренняго управленія, сочли неизбѣжнымъ сдѣлать ему уступки въ вопросахъ политики внѣшней—въ установленіи своихъ отношеній къ другимъ государствамъ. Наконецъ, весьма вѣроятно, что и сами эти другія государства оказывали на Россію опредѣленное давленіе. Имъ, вѣдь, не могло быть безразличнымъ, съ кѣмъ идетъ такая могущественная страна и противъ кого она идетъ. Вотъ почему Франція уже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія охотно шла навстрѣчу самому тѣсному сближенію съ Россіей. Положенія дѣла не измѣнила и Крымская война 1854—55 гг., въ которой русскимъ и французамъ пришлось встрѣтиться на полѣ брани противниками. Даже въ дни наиболѣе ожесточенныхъ сраженій ни французы не питали тогда острой ненависти къ русскимъ, ни русскіе къ французамъ. Послѣ войны, во время мирныхъ переговоровъ въ Парижѣ, французскіе дипломаты неизмѣнно выступали какъ «друзья» русскихъ, какъ ихъ «услужливые

союзники» и всячески облегчали имъ ихъ трудную зада-чу. Зато, когда послѣ побѣды надъ Франціей въ 1871 г. Германія начала-было готовиться къ новой войнѣ с[ъ] нею, мечтая окончательно сокрушить ее, Россія рѣши-тельно вмѣшалась и отстояла Францію. Въ 1891 г. ме-жду Франціей и Россіей былъ заключенъ союзъ, въ ко-торомъ онѣ состоятъ и теперь, и этотъ союзъ нашел[ъ] одинаково радостный откликъ какъ въ сердцахъ фран-цузскаго народа, такъ и народа русскаго.

Холодныя отношенія между Россіей и Англіей дли-лись несравненно дольше, но постепенно и они смѣни-лись чувствами взаимнаго уваженія и дружбы обоихъ народовъ. Немаловажную роль сыграло въ этомъ отноше-ніи введеніе въ Россіи въ 1905 году конституціон-наго строя, при которомъ возможность произвола царей сильно уменьшилась, а народъ благодаря соз-данію Государственной Думы, добился права участво-вать въ выработкѣ законовъ страны. Изъ безправныхъ «вѣрноподданныхъ» мы превратились тогда въ гра-жданъ, и англичане получили возможность уважат[ь] насъ.

IV.

Стремленіе ни въ чемъ не уступать народу и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость постоянно уступать ему то въ томъ, то въ другомъ (особенно во внѣшнихъ дѣ-лахъ) поставили постепенно русское правительство в[ъ] крайне затруднительное положеніе: нужно дружить с[ъ] Германіей, чтобы имѣть въ случаѣ революціи ея поддер-жку, и нельзя дружить съ нею. Нужно сторониться Англіи и Франціи съ ихъ демократическимъ духомъ и нельзя ихъ сторониться,—наоборотъ, приходится вс[…]

тѣснѣе и тѣснѣе связывать себя съ ними. Изъ этихъ трудностей сами собой вытекали и другія: разъ дружишь съ Германіей, старайся всячески отстаивать самодержавіе; разъ дружишь съ Англіей и Франціей, давай какъ можно больше правъ народу. Выхода изъ затрудненій не предвидѣлось, и правительство наше просто рѣшило ждать и смотрѣть, что получится, стараясь одновременно не слишкомъ натягивать вожжи ни въ ту, ни въ другую сторону.

Но вотъ лѣтомъ 1914 года Германія и Австрія отважились на очень отвѣтственный шагъ: подъ предлогомъ отмщенія за убійство сербомъ наслѣдника австрійскаго престола, Франца-Фердинанда, они надумали проложить себѣ прямой путь черезъ Сербію къ Константинополю и окончательно вытѣснить насъ съ Балканъ. Моментъ былъ выбранъ удачный. Ни Россія, ни Франція не успѣли еще преобразовать свои арміи, какъ того требовали обстоятельства, Англія совсѣмъ не могла приниматься въ разсчетъ на случай войны сухопутной, сама Германія находилась въ полной боевой готовности. Прибавимъ, что сосчитаться съ Россіей значило для Германіи одновременно сосчитаться и съ Франціей и съ Англіей, такъ какъ безъ нашей помощи обѣ эти державы оказались бы безсильны въ будущемъ справиться съ нею, и были бы обречены на молчаливое примиреніе съ ея главенствомъ надъ всѣмъ міромъ.

Всѣ карты оказались раскрытыми; истинные замыслы «вѣрнаго друга», Германіи, обнаружились, и русскому правительству волей-неволей пришлось начать войну съ правительствомъ германскимъ.

Всѣмъ памятно то великое воодушевленіе, которое охватило весь русскій народъ съ первыхъ же дней войны и которое долго не покидало его и послѣ. Чувство-

валось, что Россія вступила на путь великаго освобожденія,—освобожденія отъ германскаго ига и отъ ига царскаго самодержавія. Ничто уже не отдѣляетъ насъ больше отъ передовыхъ народовъ міра, отъ Франціи и Англіи; напротивъ—кровь, вмѣстѣ пролитая на поляхъ сраженій, еще больше сближаетъ насъ съ ними. Точно также ничто не будетъ въ сознаніи поддержать разлагающійся строй, такъ какъ послѣдняя его опора обречена на уничтоженіе.

Русскій народъ бодро и съ упованіемъ ждалъ исхода войны. Что же касается русскаго правительства, то оно нахмурившись думало тяжелую думу. Если съ помощью союзниковъ мы побѣдимъ, думало оно, то тогда намъ придется остаться однимъ во всей Европѣ со своимъ самодержавіемъ; если дадимъ себя побѣдить, то не избѣжать намъ революціи и полнаго крушенія стараго порядка. Снова безвыходное положеніе создалось для русскаго правительства, и снова по той единственной причинѣ, что оно не хотѣло считаться съ желаніями и стремленіями народа. Однако уже теперь спокойно ждать и надѣяться, что все устроится какъ-нибудь само собой, не приходилось. Предстояло дѣйствовать рѣшительно, и правительство начало дѣйствовать. Полагая, что главная опасность заключается въ томъ, что народъ можетъ возмутиться, если не будетъ побѣдъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безсильное дать странѣ побѣды, правительство наше всѣми силами своими стало давить на народъ, чтобы разъединить его, чтобы сдѣлать его неспособнымъ на прямое противодѣйствіе. Въ этихъ цѣляхъ оно стало насколько только возможно затягивать открытіе Государственной Думы, всячески сокращать время ея работъ, придираться къ земскому и городскому союзамъ, мѣшать военно-промышленнымъ

комитетамъ, сквозь пальцы смотрѣть на разстройство желѣзно-дорожнаго движенія, на спекуляцію всякаго рода, на угрожающія затрудненія съ продовольственнымъ дѣломъ. Ему казалось, что благодаря всему этому должно случиться одно изъ двухъ: или народъ настолько привыкнетъ къ покорности и повиновенію, что легко станетъ сносить любыя издѣвательства надъ собой, либо онъ примирится съ мыслью, что побѣдить и воевать дальше нельзя, и охотно успокоится на любомъ, не слишкомъ позорномъ, мирѣ. Говоря короче: разрывъ съ Германіей нисколько не измѣнилъ основного настроенія русскаго правительства и ничему не научилъ его. Попрежнему оно тайно тяготѣло къ Германіи, попрежнему плохо представляло, какъ ему жить безъ нея, попрежнему боялось своихъ союзниковъ.

Народъ русскій, разумѣется, видѣлъ все это и сознавалъ, чѣмъ это грозитъ. Онъ сознавалъ, что безъ побѣды надъ Германіей нельзя добиться побѣды надъ самодержавіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ для него не было тайной и то, что съ самодержавнымъ правительствомъ ему и никогда не побѣдить Германію. Только на революцію и могла быть вся надежда. Однако революція дѣло слишкомъ опасное, чтобы ее можно было добровольно начать во время войны. Она всегда рискъ, опасность, всегда потрясеніе государства. Не лучше-ли терпѣливо ждать до конца? И мы приготовились ждать и терпѣть, пока только хватитъ силъ. Мы ждали и сносили все долго и упорно.

Но дальше терпѣть не представлялось, наконецъ, возможнымъ: революція вспыхнула и сразу измѣнила все.

V.

Теперь мы можемъ прямо перейти къ отвѣтамъ н тѣ вопросы, которые были поставлены нами въ нач лѣ очерка: какъ намъ слѣдуетъ относиться къ войн и чего намъ желать и ждать отъ нея, какъ нам относиться къ нашимъ союзникамъ?

Мы уже говорили, что ни одно государство тепер не можетъ жить особнякомъ, какъ бы могущественн оно ни было. Каждое государство тысячью нитей, кул турныхъ и экономическихъ, связано со всѣми друг ми государствами, и нѣкоторыя изъ нихъ непремѣн но должны быть его ближайшими друзьями или с юзниками. Слѣдовательно, вопросъ передъ нами н просто въ томъ, чтобы воевать, пока воюется, или немед ленно кончить войну, разъ мы расхотѣли воевать, въ томъ, чтобы воевать до тѣхъ поръ, пока эт необходимо для обезпеченія себѣ того ил иного положенія среди другихъ госу дарствъ. Одно ожидаетъ насъ, если мы побѣдим Германію; другое—если кончимъ войну съ нею в ничью; третье—если она насъ побѣдитъ. Одно дѣл —до конца итти рука объ руку съ союзниками и с общѣ съ ними заключить миръ, другое дѣло—самим на свой страхъ замириться съ врагомъ, а союзникам предоставить дѣлать, какъ они хотятъ.

Въ данномъ случаѣ разсуждать намъ приходится слѣдующимъ образомъ.

Если прежде, при царскомъ самодержавіи, союзъ и дружба наша съ Франціей и Англіей были для нас необходимы въ цѣляхъ отпора Германіи и Австріи, т

теперь они намъ для этого еще болѣе необходимы. Прежде, имѣя во главѣ нашего государства друзей, родственниковъ и единомышленниковъ германскаго императора, Россія могла сговариваться съ Германіей и Австріей, такъ какъ у правителей ея были нѣкоторыя общія стремленія и одинаковое съ ними отношеніе къ своимъ народамъ. Но какъ можемъ мы сговориться съ ними теперь, когда мы сдѣлались свободными, когда мы на пути къ тому, чтобы стать демократичнѣйшей изъ республикъ, между тѣмъ какъ германцы попрежнему кричатъ «ура» самому самодержавному, честолюбивому и воинственному изъ монарховъ Европы, Вильгельму? Мы были друзьями свободныхъ французскаго и англійскаго народовъ, пока сами были въ рабствѣ. Какимъ же образомъ и для чего намъ обрывать эту дружбу, когда, наконецъ, мы освободились, т. е. сдѣлались такими же, какъ они? Съ кѣмъ же намъ и дружить, если не съ ними? Съ другой стороны, нужно принять во вниманіе и то, что вовсе не на одной только взаимной симпатіи основывается наша связь съ Англіей и Франціей, но также и на полной общности нашихъ наиболѣе реальныхъ интересовъ. Ни Англія, ни Франція не стремятся захватить то, что принадлежитъ Россіи, и не собираются становиться на пути ея къ тому, чего ей необходимо достигнуть. Въ свою очередь и Россія со спокойной душой можетъ соглашаться на все, чего требуютъ для себя ея теперешнія главныя союзницы. Съ другими государствами дѣло обстоитъ иначе. Одни изъ нихъ не настолько сильны, чтобы на нихъ можно было полагаться такъ же, какъ на Англію съ Франціей; другія преслѣдуютъ въ своей политикѣ такія задачи, которыя могутъ быть удовлетворены только за счетъ Россіи. Если мы не захотимъ итти рука объ руку съ Англіей и Франціей, то намъ

ничего не останется, какъ броситься въ объятія той ж
Германіи. Но мы уже знаемъ, что такое эта Германія
чего она хотѣла и хочетъ отъ Россіи.

Словомъ, мы всѣми силами должны стараться н
только сохранить нашу связь съ Англіей и Франціей, н
и усилить эту связь.

Это первое. Далѣе приходится имѣть въ виду, чт
мы связаны съ нашими союзницами не только узам
дружбы и общностью интересовъ, но и договорами, т. е
обязательствами, которыя мы должны выполнять во чт
бы то ни стало. То обстоятельство, что договоры эт
были заключены старымъ нашимъ правительствомъ, ни
чуть не мѣняетъ положенія вещей. Въ международномъ
правѣ существуетъ твердо установившееся положеніе
что смѣна правительства не вліяетъ на дѣйствитель
ность договоровъ, заключенныхъ государствомъ. Догово
ры, законнымъ образомъ заключенные съ другими стра
нами Николаемъ II и раньше, такъ же должны быт
обязательны для нашего новаго республиканскаго пра
вительства, какъ если бы они были заключены самимъ
имъ. Почему это такъ, совершенно ясно: международны
договоры представляютъ собой договоры между самими
государствами, а не между ихъ правителями. Иначе
ни одинъ договоръ никого и ни къ чему не обязывалъ
бы: стоило бы только смѣнить правителей и, вотъ, до
договора, на который союзникъ такъ разсчитывалъ, ра
ди котораго такъ долго воевалъ или на который затра
тилъ такъ много силъ и денегъ,—какъ не бывало. Ска
жутъ: международное право настолько часто всѣми
нарушается, что съ нимъ можно и не считаться. Это не
правда. Нарушаются по преимуществу лишь договоры,
касающіеся веденія войны—законы войны,—но зато имен
но они то и являются наиболѣе трудно исполнимыми

ъ всѣхъ международныхъ законовъ. Что же касается говоровъ, устанавливаемыхъ между народами въ цѣхъ взаимной дружбы и сотрудничества, то они блюются строго, и каждый случай нарушенія ихъ вызыетъ цѣлую бурю во всемъ свѣтѣ. Какую же бурю недованія вызвали бы мы, если бъ вдругъ измѣнили намъ наиболѣе испытаннымъ и вѣрнымъ друзьямъ? Намъ сразу перестали бы вѣрить, отъ насъ отшатнуісь бы, какъ отъ преступниковъ, и въ будущемъ не ыло бы такого страшнаго предательства, которое не огло бы считаться по отношенію къ намъ простительымъ: вѣдь, мы сами оказались предателями! Отсюда ѣдуетъ что измѣнить дѣлу нашихъ союзниковъ для асъ равносильно тому, чтобы надолго остаться однимъ ъ международномъ соперничествѣ, быть объявленны и «внѣ закона» и, разумѣется, поплатиться за это саымъ жестокимъ образомъ. И если прежде «сепаратный», дѣльный отъ союзниковъ, миръ съ нашимъ врагомъ о справедливости казался намъ чудовищнымъ преступленіемъ, то насколько болѣе чудовищнымъ долженъ онъ казаться намъ теперь: вѣдь, теперь уже ѣтъ того ненавистнаго всѣмъ правительства, на котоое можно было бы все свалить; теперь уже мы сами ѣликомъ оказались бы отвѣтственными за позорное преступленіе, и никого, кромѣ самихъ себя, мы не могли бы инить.

Это второе. Въ третьихъ, приходится считаться съ ѣмъ обстоятельствомъ, что союзники наши попрежнеу сильны и даже съ каждымъ днемъ становятся все ильнѣе между тѣмъ какъ наша военная мощь за время еволюціи пооslабла. Благодаря отсутствія твердой влаи и прочаго порядка мы временно не могли бслуживать нашъ фронтъ снарядами и снаряженіемъ

такъ, какъ это было надо. Въ работахъ нашихъ фабри[к]
произошелъ длительный перерывъ, и перерывы нѣт[ъ-]
нѣтъ, да повторяются снова. Солдаты, захваченные [о]
щимъ подъемомъ, потеряли не мало времени на митин[-]
гахъ и собраніяхъ (что, разумѣется, вполнѣ понят[но]
и вполнѣ законно) и на время ослабили свои учебн[ыя]
занятія. Не могла произойти безболѣзненно замѣна ст[а-]
рой строевой дисциплины дисциплиной новою. Въ р[е-]
зультатѣ всего этого получилось, что мы стали значител[ь-]
но больше нуждаться въ нашихъ союзникахъ, чѣм[ъ]
они въ насъ. Теперь приходится считать соверше[н-]
но несомнѣннымъ, что они и безъ нашей особенной п[о-]
мощи способны дать отпоръ нѣмцамъ, лишь бы мы и[мъ]
не мѣшали и не дѣйствовали на руку врагу. Слѣд[о-]
вательно, можетъ случиться такъ, что союзники наш[и]
выиграютъ войну и возьмутъ отъ нея все, что имъ был[о]
нужно, а намъ придется жестоко расплачиваться з[а]
наши ошибки. Разумѣется, это можетъ случиться лиш[ь]
тогда, когда мы захотимъ дѣйствовать независимо с[ъ]
нашихъ союзниковъ.

Въ свое время Англія, Франція и Россія, съ ним[и]
Бельгія, Сербія, Черногорія, Японія, Португалія, Ру[-]
мынія, а въ послѣдніе дни еще и Сѣверо-Американ[-]
скіе Соединенные Штаты выступили на войну против[ъ]
Германіи. Это потому, что Германія съ ея захватным[и]
стремленіями и быстро увеличивающеюся военно[й]
мощью, съ ея дерзостью и хитростью, сдѣлалась страш[-]
ной угрозой для всеобщаго мира. Русская революці[я]
въ этомъ отношеніи рѣшительно ничего не измѣнила.
Надежды нѣкоторыхъ мечтателей, что благодаря гер[-]
манскимъ рабочимъ Германія сразу переродится, как[ъ]
и Россія, и станетъ такимъ же свободолюбивымъ го[-]
сударствомъ, какъ и она, и Англія, и Франція, рѣши[-]

тельно ни на чемъ не основаны. Возможно, конечно, что лишь только германцы почуютъ, что ихъ дѣло окончательно проиграно, они тоже заговорятъ о «свободѣ» и постараются закончить войну безъ большихъ убытковъ для себя и съ громадными убытками для насъ и нашихъ союзниковъ. Во имя «свободы» они потребуютъ, чтобы ихъ страна осталась такою же, какой она была и прежде, и тогда имъ впору хоть снова начинать войну: вѣдь для Германіи нѣтъ выбора, нѣтъ средняго пути, и успокоиться она можетъ только въ томъ случаѣ, если побѣдитъ или будетъ побѣждена. До сихъ поръ она со всей настойчивостью стремилась къ побѣдѣ и всячески старалась и старается использовать въ своихъ выгодахъ русскую революцію: пользуясь разслабленностью нашего фронта она перебросила главныя силы на западный фронтъ, англо-французскій, наводнила всю Россію шпіонами, забрасываетъ нашихъ солдатъ, сидящихъ въ окопахъ, льстивыми листками, вселяющими въ нихъ тревогу и сомнѣнія. И все это при открытой поддержкѣ тѣхъ самыхъ германскихъ рабочихъ, на которыхъ наши горе-мыслители и горе-политики такъ разсчитывали и продолжаютъ разсчитывать въ совершенно непонятномъ ослѣпленіи!

VI.

За три мѣсяца до начала Великой русской революціи десять державъ, борющихся съ Германіей и ея союзницами, объявили слѣдующія главнѣйшія условія, на которыхъ онѣ согласились бы заключить миръ: 1) возстановленіе Бельгіи, Сербіи и Черногоріи и справедливое возмѣщеніе понесеннаго этими странами ущерба;

2) очищеніе нѣмцами занятыхъ ими мѣстностей Фра-
ціи, Россіи и Румыніи, также со справедливымъ во-
наградженіемъ пострадавшихъ странъ; 3) переустро-
ство Европы на основѣ одинаковаго уваженія къ своб-
дѣ и интересамъ всѣхъ ея народовъ, какъ большихъ
такъ и малыхъ; 4) возвращеніе провинцій или земел-
отнятыхъ у союзниковъ въ прежнее время вопреки ж-
ланію населенія; 5) освобожденіе итальянцевъ, румын-
чеховъ и словаковъ отъ иностраннаго владычества; (
освобожденіе народностей, находившихся подъ влад-
чествомъ турокъ, и ограниченіе турецкихъ владѣн-
лишь азіатскими предѣлами; 7) самостоятельность Пол-
ши.—«Союзники желаютъ,—такъ оканчивалось заявл-
ніе перечисленныхъ выше странъ,—избавить Европ-
отъ грубыхъ вожделѣній прусскаго милитаризма, (
въ ихъ цѣли никогда не входило уничтоженіе герма-
скаго народа... Они желаютъ прежде всего обезп-
чить миръ на началахъ свободы, справедливости и н-
рушимой вѣрности международнымъ обязательствамъ.
Объединенные въ преслѣдованіи этой возвышенной ц-
ли, союзники одушевлены рѣшимостью сдѣлать все, ч-
въ ихъ власти, и принести всѣ жертвы, дабы довест-
до побѣднаго конца борьбу, отъ которой, по ихъ убѣ-
жденію, зависятъ не только благоденствіе и спасені-
но и будущность самой цивилизаціи».

Въ свое время настоящее заявленіе было встрѣчен-
съ полнымъ удовлетвореніемъ во всѣхъ десяти стра-
нахъ противогерманскаго союза. Вполнѣ понятно, п-
чему: въ немъ, во-первыхъ, большинству изъ стран-
предлагалось какъ разъ то, къ чему каждая издавн-
стремилась и что ей казалось существенно необходи-
мымъ въ ея личныхъ интересахъ, а во-вторыхъ, во им-
всеобщихъ интересовъ человѣчества давалось обѣща-

іе водворить прочный миръ и подлинную справедливость среди всѣхъ народовъ. Но хоть это и недавно было,—однако все же раньше Великой русской революціи. Тогда у народовъ, и у русскаго въ частности, представленія о справедливости и вѣра въ торжество ея на землѣ были не тѣми, что теперь. Тогда народы мирились еще на сравнительно немногомъ. Имъ казалось, что впереди всего должно быть поставлено государство, — что справедливо лишь то, что усиливаетъ государство, обезпечивая ему прочное положеніе среди сосѣдей и что, наоборотъ, несправедливо все, ослабляющее его. Мысль о самихъ народахъ какъ-то невольно отходила нѣсколько на второй планъ, несмотря на то, что о «правахъ народовъ», о началѣ «національностей» говорилось весьма часто и весьма охотно. Во всякомъ случаѣ, народы не мыслились независимо отъ объединяющей ихъ государственной власти и внѣ подчиненія ей, тогда какъ сама эта власть представлялась такою, которая преслѣдуетъ не только народныя, но и свои особенныя, чисто государственныя, цѣли. Вотъ какимъ образомъ и могло получиться, что десять державъ, соединившихся противъ начавшихъ войну, Германіи и Австро-Венгріи, и ихъ союзницъ, Болгаріи и Турціи, постановили: удовлетворимъ за ихъ счетъ всѣ свои нужды и ослабимъ ихъ настолько, чтобы онѣ не могли сопротивляться; благодаря этому поводы къ новымъ войнамъ и возможность новыхъ войнъ надолго исчезнутъ, а тѣмъ временемъ укрѣпится такой международный порядокъ, благодаря которому миръ и «справедливость» воцарятся на землѣ навѣки.

Но вотъ вспыхнула Великая русская революція. Русскій народъ въ мгновеніе ока сбросилъ съ себя иго самодержавія и полной грудью началъ вдыхать плѣ-

нительный воздухъ свободы. Удивительно-ли, что нѣкоторыя изъ прежде сложившихся мнѣній и убѣжденій перестали удовлетворять его, что многое онъ счелъ нужнымъ перерѣшить по новому, что все, рѣшительно все, онъ сталъ разсматривать съ одной единственной точки зрѣнія: способствуетъ-ли оно или препятствуетъ дѣлу свободы? Сообразно съ этимъ всякія половинчатыя и временныя рѣшенія перестали удовлетворять его, онъ захотѣлъ на всѣ вопросы отвѣтить прямо и опредѣленно, разъ навсегда. Онъ началъ разсуждать такъ: то, что произошло въ Россіи, не можетъ остаться безъ отклика и во всѣхъ остальныхъ странахъ. Народы должны понять, что произошло нѣчто грандіозное, важное, съ чѣмъ нельзя не считаться, къ чему такъ или иначе придется примѣняться. Въ частности, если прежде всѣ международныя отношенія строились въ предположеніи, что всякому дѣлу свободы, мира и правды среди государствъ непремѣнно будетъ препятствовать самодержавная Россія (при усиленной поддержкѣ Германіи), то теперь это предположеніе отпало само собой. Демократіи міра должны почувствовать себя сильнѣе, чѣмъ были раньше, вліяніе въ нихъ соціалистическихъ партій сразу возрастетъ и станетъ господствующимъ; то, что незадолго передъ тѣмъ казалось имъ осуществимымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, станетъ близкимъ и вполнѣ доступнымъ скоро, теперь же, сегодня-же.

Въ результатѣ всего этого, на ряду съ лозунгомъ «доведенія войны до побѣднаго конца», началъ все настойчивѣе и настойчивѣе выдвигаться лозунгъ водворенія немедленнаго мира и установленія полнаго братства между всѣми народами, не исключая и теперешнихъ нашихъ враговъ.

Какъ же, однако, примирить эти двѣ совершенно непримиримыя, повидимому, и несогласимыя задачи. Вѣдь, во имя полнаго осуществленія первой изъ нихъ необходимо добиться возвращенія въ составъ Франціи отнятыхъ у нея Эльзаса и Лотарингіи, предоставленія Россіи Босфора и Дарданеллъ, безъ которыхъ для нея нѣтъ необходимаго для нея выхода въ Средиземное море и свободы экономическаго развитія, и т. д. Напротивъ, наиболѣе полное осуществленіе второй задачи заключалось бы въ немедленномъ прекращеніи войны, безъ всякаго измѣненія въ составѣ земель воюющихъ государствъ по сравненію съ прежнимъ, безъ всякаго переложенія издержекъ на войну съ одного изъ воюющихъ на другого, безъ вознагражденія пострадавшихъ странъ и т. п.,—словомъ: миръ безъ аннексій и контрибуцій, а то даже—немедленное разоруженіе всѣхъ государствъ, во имя идеала вѣчнаго международнаго мира.

Но примиреніе должно быть найдено, и жизнь найдетъ его. Вѣдь, это не первый случай, когда исторіи приходится сталкиваться съ необходимостью примирять непримиримое. По самому существу своему она—примиреніе, и всѣ прочныя достиженія ея неизбѣжно—равнодѣйствующая въ столкновеніи различныхъ силъ, въ борьбѣ исключающихъ другъ друга стремленій. Однако, несомнѣнно и то, что раньше, чѣмъ на вопросъ объ окончаніи войны будетъ найденъ послѣдній отвѣтъ, подводящій итоги всему международному прошлому и открывающій пути къ болѣе или менѣе безмятежному международному будущему, придется считаться съ цѣлымъ рядомъ предварительныхъ, непріемлемыхъ для исторіи, отвѣтовъ. Были и будутъ отвѣты, слишкомъ близоруко цѣпляющіеся за прошлое и

ничего не обѣщающіе для грядущихъ временъ, кром печальнаго повторенія печальныхъ уроковъ этого про шлаго. Были и будутъ отвѣты, слишкомъ прямоли нейные, слишкомъ забѣгающіе впередъ, неподготовлен ные предшествующимъ ходомъ развитія человѣчества Достаточно яркимъ примѣромъ отвѣтовъ перваго ро да можетъ послужить та программа мира, которая со ставляетъ движущій нервъ всей политики Германіи торжество одного государства за счетъ всѣхъ осталь ныхъ, поддержаніе будущей «дружбы» среди народовъ съ помощью вооруженной силы, всепокорящей и не знающей себѣ равныхъ. Какъ на примѣръ отвѣтовъ второго рода укажемъ на памятные призывы къ ми ру президента Соединенныхъ Штатовъ Америки, Виль сона (въ декабрѣ 1916 года, январѣ 1917 года), въ которыхъ такъ много было вѣры въ возможность не медленнаго устраненія всѣхъ поводовъ къ междуна роднымъ столкновеніямъ, до осуществимости немед леннаго разоруженія государствъ включительно. До торжества германской программы не допустятъ ея тепе решніе противники, противъ торжества программы Сое диненныхъ Штатовъ говоритъ ихъ собственное вмѣ шательство въ войну.

Есть много основаній полагать, что и тотъ отвѣтъ, ко который дало въ своей деклараціи отъ 5 мая русское Временное Правительство—не будетъ принятъ жизнью безъ значительныхъ поправокъ. Согласно деклараціи миръ долженъ быть заключенъ «безъ аннексій и кон трибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ и въ стремленіи къ прочному миру и братству народовъ». Нельзя, конечно, не восхищаться красотой и возвышен ностью этихъ задачъ, которыя поставила предъ собой такимъ образомъ новая, свободная Россія, нельзя не

привѣтствовать ея желанія итти совершенно новыми путями и сказать міру свое собственное, новое слово. Но если бы все дѣло было въ одной Россіи! Если бы у нея было достаточно силы, чтобы заставить услышать себя и подчиниться себѣ. Если бы начертанные ею пути замиренія народовъ были дѣйствительно новыми. Но, увы, международные вопросы,—въ особенности, такіе сложные, какъ о мирѣ послѣ чудовищной, всѣхъ захватившей войны, — не могутъ разрѣшаться однимъ государствомъ. Что же касается всѣхъ другихъ государствъ, кромѣ Россіи, то они вовсе не склонны столь же беззавѣтно отдаться прекрасной мечтѣ, какъ отдались ей мы—охваченные революціоннымъ восторгомъ и готовые принимать этотъ восторгъ одновременно и за выраженіе силы, и за голосъ правды, которая идетъ въ міръ. Тѣми же словами, что мы теперь, говорила уже раньше Франція—во время Великой революціи 1791 года и во время революціи 1848 года. Мы не въ правѣ забывать поучительныхъ примѣровъ исторіи. Противъ аннексій и контрибуцій и за самоопредѣленіе народовъ писалось и пишется давно уже и много. И всегда обнаруживалось одно и тоже: мысль прекрасна, идеалъ возвышенъ, но для проведенія ихъ въ жизнь требуется длинная-длинная, трудная и черная предварительная работа по примиренію сложныхъ и многообразныхъ взаимно исключающихъ интересовъ.

Изъ всего сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, конечно, чтобы революціонная Россія не въ правѣ была давать новые отвѣты на международные вопросы. Но она должна быть готовой къ тому, что жизнь внесетъ въ нихъ свои собственныя и, быть можетъ, весьма существенныя поправки. Каковы эти поправки и насколько удаляются онѣ отъ идеаловъ коалиціоннаго русскаго Временнаго

Правительства, кто можетъ знать? Одно несомнѣнно: лучшими и наиболѣе пріемлемыми для Россіи изъ всѣхъ возможныхъ окажутся тѣ, которыя будутъ допущены въ согласіи съ желаніями и интерэсами союзныхъ съ Россіей державъ, прежде всего—Англіи и Франціи.

НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА

Серія беллетристичесяая.

№ 1. А. Крандіевская. Охранитель Ц. 20 к.
№ 2. А. Крандіевская. Только часъ. Ц. 20 к.
№ 3. А. Шиманскій. Cруль изъ Любартова. Ц. 10 к.
№ 4. М. Конопницкая. Яктонъ. Ц. 10 к.
№ 5. Л. Толстой. Божеское и человѣческое.

Серія политическая.

№ 51. В. Алексѣевъ. Зачѣмъ и какъ выбирать въ Учредительное Собраніе? Ц. 20 к.
№ 52. В. Алексѣевъ. Свободный гражданинъ и его права.
№ 53. Прив.-доц. Ю. Ключниковъ. Революція и война.
№ 54. Прив.-доц. Н. Арсеньевъ. Революція и вѣра.
№ 55. Прив.-доц. Н. Фіолетовъ. Церковь въ новой Россіи.
№ 56. Прив.-доц. Л. Успенскій. Соціальныя задачи государства.
№ 57. Прив.-доц. С. Кечекьянъ. Какая намъ нужна республика?

Серія историческая.

№ 101. Е. Ефимова. Великая французская революція. Ц. 50 к.
№ 102. В. Перцевъ. Франція въ XIX вѣкѣ. Ц. 50 к.
№ 103. В. Перцевъ. Германія и Австрія въ XIX вѣкѣ. Ц. 60 к.
№ 104. В. Перцевъ. Англія въ XIX вѣкѣ.
№ 105. В. Перцевъ. Италія въ XIX вѣкѣ.
№ 106. Е. Вишняковъ. Декабристы.
№ 107. В. Пичета. Первые русскіе соціалисты.

Серія экономическая.

№ 151. І. Войтинскій. Примирительныя камеры на Западѣ. Ц. 15 к.
№ 152. І. Войтинскій. Примирительныя камеры въ Россіи.

ЛИГА АГРАРНЫХЪ РЕФОРМЪ

Редакціонный комитетъ: П. П. Масловъ, С. Л. Масловъ, Н. П. Огановскій, А. В. Чаяновъ.

Статистическій справочникъ по аграрному вопросу. Выпускъ 1-й: Землевладѣніе и землепользованіе.

А. В. Чаяновъ. Къ постановкѣ аграрнаго вопроса.

Н. П. Макаровъ. Крестьянское хозяйство и его интересы.

Заказы направлять по адресу: **Москва**, 4-й Сыромятническій п., 1 Акц-ое О-во «**Универсальная Библіотека**», тел. 1-24-24.

